

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Остапенко*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 **Ведьмин род / Марина и Сергей Дяченко.** — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-112023-8

«Ведьмин род» Марины и Сергея Дяченко завершает трилогию, начатую романом «Ведьмин век», и является прямым продолжением романа «Ведьмин зов». Герои живут в необычном мире, где одновременно существует и ядерное оружие, и ведьмы, и независимая от государства Инквизиция, призванная бороться с последними. В романе мастерски переплетены триллер, детектив и психологическая драма. От расследования в мрачном провинциальном городке до политической борьбы в самой верхушке общества – мы видим мир, который, при всей магии, так похож на наш.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112023-8

© Дяченко М., Дяченко С., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ровно в десять пожилой инквизитор явился на допрос: Руфус, бывший куратор округа Ридна, властолюбивый, заносчивый, высокомерный Руфус переступил порог своего кабинета, лишенный должности, в роли подследственного.

В двух огромных клетках порхали и пели экзотические птицы. Вдоль стен помещались пальмы в кадках. Инквизитор посмотрел сперва на птиц — кажется, с тревогой и сожалением. Потом перевел взгляд на того, кто занимал теперь кресло куратора.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Мартин Старж.

Простые слова поразили Руфуса, как пощечина, — в собственном кабинете он, выходит, не мог больше сесть без позволения.

— Да погибнет скверна, — буднично продолжал Мартин. — Я обвинил вас в служебном подлоге на основе показаний некой ведьмы. Но записи допроса я не вел. Повторить свои слова ведьма не сможет. Таким образом, у меня нет против вас ни улики, ни свидетелей — только то, что знаем мы оба. Теперь вопрос: от чего умер ваш заместитель, инквизитор Иржи Бор? От сердечного приступа?

Сделалось тихо. Руфус тяжело дышал; до него медленно доходило, в какую ловушку загнал его Мартин.

Панический рапорт об отставке уже подан, служебное расследование запущено, отступать поздно... или не поздно?! На лице у бывшего куратора застыло мучительное сомнение: он должен был сделать выбор из двух одинаково плохих вариантов.

Пауза затягивалась. Руфус молчал, будто ему заклеили рот. Мартин не торопил его; новая попытка солгать оказалась бы для бывшего куратора непереносимым унижением, тем более что унижаться пришлось бы перед человеком, которого Руфус презирал и ненавидел. Но признание грозило неопределенными последствиями в будущем — Руфус должен был передать свою судьбу в руки Мартина, причем по своей воле, раз доказательств нет.

— Вам нужно время, чтобы принять решение? — мягко осведомился Мартин. Руфус посмотрел на него с ненавистью и мукой. Хотел что-то сказать, но снова промолчал. Прошло еще несколько минут.

— Мой заместитель Иржи Бор, — начал наконец Руфус не своим, напористым, а очень слабым и бесцветным голосом, — был убит ведьмой...

Мартин вытащил из кармана диктофон, включил и положил на стол. Руфус говорил, выжимая из себя слова с трудом и омерзением; с каждым словом в его голосе все больше звучала растерянность, будто он сам не понимал, как мог по доброй воле совершить то, что совершил:

— ...он был обнаружен нами, мной и подчиненным, на столе в кухне арендованной квартиры, его грудь рассечена, сердце изъято и частично помещено... в ротовую полость. С момента смерти прошло не менее трех суток. Задержать ведьму по горячим следам не представлялось возможным. Я счел... оправданным не пре-

давать этот случай огласке... чтобы не способствовать паническим настроениям. Учитывая, что ведьма давно покинула провинцию... по моим расчетам... И огласка не имела бы положительного эффекта... Я не стал докладывать в Вижну о происшествии. По официальной версии, Иржи Бор умер от сердечного приступа.

Он замолчал. Мартин выждал паузу:

— Что-то еще хотите добавить?

— Все, — мертвым голосом сказал Руфус.

Мартин выключил диктофон:

— Не под запись. Можете объяснить — зачем?! Такой опытный человек, как вы...

— Ты не поймешь, — Руфус разглядывал столешницу.

— Что мне помешает?

Руфус поднял взгляд, будто камень, и посмотрел на Мартина через стол — с тоской:

— Один рождается с серебряной ложкой во рту... по факту рождения получает все... Статус, деньги, свободу, возможности... преференции... Пост куратора округа Одница в двадцать семь лет... А другой тяжело работает с детства, пробивается сквозь жизнь, как сквозь застывший бетон... с чугунными гирями на ногах... голодает в юности, чтобы покупать книги... изнашивается, стареет, зубами выгрызает успех... Получает какое-то признание... Но судьба издевается, подсовывая безнадежное дело... и единственная попытка обмануть судьбу... заканчивается вот так.

— Вы не судьбу пытались обмануть, — сказал Мартин. — Вы пытались обмануть Инквизицию.

— Радуйся, — пробормотал Руфус, отводя взгляд. — Смотри, торжествуй: человек рвал жилы всю жизнь, чтобы оказаться накануне пенсии выброшенным. За

бортом. На дне. Работать курьером, если возьмут... пиццу разносить...

— Зачем же так мрачно? — Мартин приподнял уголки губ. — В тюрьме кормят бесплатно. А когда выйдете, как раз и пенсия подоспеет.

Руфус вскинул на него ошеломленные глаза:

— И где же здесь уголовный состав?!

— Соучастие, — Мартин невинно улыбнулся. — После Иржи Бора она убила еще двух инквизиторов в Однице. А вы соучастник, вы скрыли ее преступление. Можете доказать, что бескорыстно?

— Какой же ты ублюдок, — с болью прошептал Руфус.

За несколько секунд он вылинял, как тряпка, брошенная в чан с отбеливателем. Глаза сделались совсем крохотными и подернулись дымкой.

— Я пошутил, — сказал Мартин после паузы. — Предъявлять вам соучастие — значит сводить личные счета. Я не стану.

Руфус близоруко моргнул. Перевел дыхание:

— Издеваешься...

— Вижу, что неудачная шутка. — Мартин пожал плечами. — Извините.

— «Не стану», — пробормотал Руфус, кончиками пальцев вытирая уголки слезящихся глаз. — Можешь себе позволить. Быть каким угодно — добрым, великодушным... уважать себя... ценить себя... Никогда ни в чем себе не отказывал... никогда не выбирал, пообедать или починить ботинки...

— Вы правда хотите меня разжалобить? Серьезно?

Руфус скрежетнул зубами, рискуя сломать их.

— Я бы не исключал вас из состава Инквизиции, — сказал Мартин задумчиво. — Ваш опыт пригодился бы,

но... человеку, способному на такой подлог, больше никогда и ни в чем нельзя доверять.

— Мне не нужно твое доверие, — процедил Руфус. — Там была ведьма... Чудовищная, судя по почерку. Она ушла, сбежала... Когда мы нашли Иржи, ее и след простыл... мы не могли ее взять, мы никак не могли ее выследить... Могли только признать свою беспомощность и подставиться под порку, ты бы порадовался... Ну, веселись теперь...

— Вам повезло, — серьезно сказал Мартин. — Если бы вы попытались ее взять — список погибших стал бы длиннее.

Мутный взгляд Руфуса немного прояснился — этот человек все-таки был профессионалом:

— Как ты выкрутился? Почему она тебя не убила?!

— Повезло, — после паузы сказал Мартин. — Флаг-ведьма, колодец под сотню. Реликт. Очень старая, без малого двести лет.

Он мельком бросил взгляд на свою пострадавшую руку — два пластыря, на ладони и на тыльной стороне, и слегка непослушные пальцы.

— Всё тебе, — прошептал Руфус. — Талант — тоже тебе. Удача — валом, горой... Если бы у меня был выбор — я пошел бы в Инквизицию?! Да никогда. А ты пошел... Хотя мог быть кем угодно. И везде получал бы лучшее. Непотопляемый. Неуязвимый.

— Я думаю, на этом мы можем закончить, — сказал Мартин. — По результату расследования вы исключены из состава Инквизиции. В других мерах не вижу надобности. Ваши показания передам в Вижну вместе со своим решением. Птиц, пожалуйста, заберите, я подозреваю, что они вам дороги.

Птицы в клетках, равнодушные к их разговору, беседовали о своем — обмениваясь трелями.

— Люди говорят, ты привез с собой ведьму, — тяжело проговорил Руфус. — И она... инициирована.

— Совершенно верно, — Мартин вежливо улыбнулся. — Это моя жена.

Тусклые глаза Руфуса прояснились и вспыхнули, лицо на секунду сделалось радостным и хищным.

— Наконец-то ты ошибся по-крупному, — прошептал Руфус. — Зарвался, слишком привык к своему везению... Но любое везение когда-нибудь заканчивается. Посмотрим, как закончишь ты.

— Я только начал, — сказал Мартин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шел снег, накрывая грязь, лед, опавшую хвою и прошлогоднюю траву. Селение Тышка, спрятанное в горах, выглядело умиротворенным и даже буколическим. Спустились сумерки; на центральную улицу, кое-как очищенную от наледи, выехал черный инквизиторский автомобиль, каких здесь не видели уже давным-давно.

Улицы были пустынные. Дети, прилипнув к окнам, провожали черную машину глазами. Редкие прохожие вытягивали шеи, пытаясь что-то различить за непроницаемыми тонированными стеклами. Инквизиторский автомобиль казался хищным зверем, зловещим, жестоким, наделенным собственной волей. Зеваки переглядывались:

— Ну, всё...

— Что — всё?!

— Конец той ведьме, что в лесу.

— Да что они могут? Нынешние-то инквизиторы...
Только выглядят страшно...

Машина остановилась перед местным полицейским участком — деревянным одноэтажным зданием. Некоторое время ничего не происходило. Потом из автомобиля поднялся мужчина в черном пальто, похожем на инквизиторскую хламиду. С непокрытой головой, с канцелярской папкой в руках, издали он мог бы пока-

заться чиновником или банковским служащим, если бы не выражение лица; в лице прибывшего имелось нечто, заставившее зевак перейти на шепот:

— Инквизитор... из этих... маркированных... точно.

Следом из черной машины выбралась женщина, и наблюдатели на секунду потеряли дар речи: в сиреневой куртке и кораллово-красной вязаной шапке она казалась экзотической птицей на снегу, тем более яркой рядом с черным пальто своего спутника. Многим зевакам в этот момент ее лицо показалось смутно знакомым.

* * *

Они должны были явиться в селение Тышка с оперативным отрядом полиции. Хотя бы с одним полицейским экипажем. Но вышло иначе; накануне, встретившись с комиссаром Ридны, Мартин вернулся, исполненный мрачного сарказма:

— Уже очень давно никто не смотрел на меня, как на дрессированную мартышку.

— Думаю, на тебя никто никогда не смотрел, как на дрессированную мартышку, — примирительно сказала Эгле.

— Все случается впервые, — Мартин ухмыльнулся. — Интересный новый опыт.

К тому времени из бывшего кабинета Руфуса вынесли клетки вместе с птицами, остались только пальмы в кадках — пыльные, приземистые, карикатурное напоминание о набережной Одницы, где пальмы упираются в голубое небо и катятся белые волны на длинные-длинные пляжи. Эгле коротко вздохнула.

— Как же хорошо было в Однице, — сказал Мартин, будто отвечая на ее мысли, но имея в виду отнюдь не пальмы. — Комиссар Ларри со мной носился, как с лю-

бимым младшим братом. Если мне что-то требовалось вне моих полномочий, полиция всегда была наготове; а этот солдафон считает меня креатурой отца, сопливом, марионеткой и причиной отставки Руфуса.

— Он так прямо и сказал?! — Эгле взвилась, готовая перекусить обидчику горло.

— Нет, он не до такой степени обалдел. — Мартин улыбнулся, растроганный ее праведной яростью. — Но поддержки от комиссара не будет, а будет саботаж. Мне придется самому работать с полицейскими на местах, с экспертами в районном центре, с констеблем в этой самой Тышке...

— Ты же не собираешься ехать туда один?

— Полицейский эскорт мне не дадут, — сказал он задумчиво. — А своих людей я не имею права привлекать, потому что это не инквизиторская операция. Да и нет свободных оперативников, я же сам их погнал в патрули — всех, способных отличить ведьму от фонарного столба... В Однице я бы договорился, но здесь ни одной рожи толком не знаю, все меня авансом ненавидят, и работать придется кнутом, а никак не пряником...

Он ухмыльнулся, и Эгле подумала, что куратор Мартин из Одницы остался далеко, на залитом солнцем берегу, а в бывшем кабинете Руфуса сидит теперь Мартин из Ридны — сумрачный, жесткий, под стать этим горам и всей этой провинции.

...Неделю назад он сообщил ей о своем новом назначении — перед тем, как окончательно принять его. Эгле не стала ни обсуждать его решение, ни сомневаться вслух, но Мартин, конечно, правильно истолковал ее молчание:

— После отставки Руфуса и пожаров... там просто развал, в этой Ридне. Там очень паршивая ситуация.

И еще темнота и холод, подумала Эгле. Ужасная погода и чужие люди, которые заранее готовятся сожрать тебя живьем. И ведьмы, много действующих ведьм. И «Новая Инквизиция». Поэтому ты туда едешь.

— Замечательная провинция. — Он улыбнулся, будто приглашая ее в океанский круиз. — Никто, кроме меня, не справится.

— Кроме нас, — сказала Эгле, принимая его правила игры.

У них обоих были скрытые мотивы ехать в Ридну: Мартин мечтал оправдать доверие отца. Он, возможно, сам не понимал, насколько одобрение Клавдия для него важно, а если бы Эгле открыла ему глаза — удивился бы и, чего доброго, оскорбился. Но и у нее был мотив, который следовало скрывать от Мартина: в горах Ридны пряталось нечто, что давало ведьмам надежду. Древняя легенда о «чистой» инициации.

— Кроме нас, — повторила она в ответ на его вопросительный взгляд. — Смело включай меня в свои планы, Март. В мир через меня пришло что-то новое — давай же устроим небольшой тарарам и поменяем человечество к лучшему.

— Да, — сказал он, обрадовавшись перемене ее настроения. — Небольшой тарарам делу только на пользу!

И вот теперь они сидели в бывшем кабинете Руфуса, за окном выл ледяной ветер, и все опасения подтвердились, а надежды — пока что нет.

— Тышка — очень плохое место, — сказала Эгле осторожно.

— Я тоже умею быть плохим. — Мартин оскалился, чтобы у нее не осталось сомнений.

— Я поеду с тобой, — сказала она тверже. — Я... должна на тебе кое-что показать.

Он открыл рот, чтобы ответить, но запнулся и на секунду задумался.

— Эгле, — сказал, поколебавшись, с огромным сомнением. — Мы очень лихо взялись тут за дело... Но теперь я думаю, что лучше бы нам притормозить. Ты действующая ведьма. Твой юридический статус непонятен. Тобой уже интересуется множество людей. Здесь, во Дворце Инквизиции, у меня есть власть, чтобы поступать по-своему, но...

— Я приехала в проклятую родную провинцию не за тем, чтобы отсиживаться в норке, — сухо отозвалась Эгле. — Иначе что я здесь делаю?!

Кажется, он воспринял ее слова как угрозу. И, похоже, угроза подействовала.

* * *

В глубине души Мартин был, конечно, очень ей благодарен, потому что эта дорога в одиночку далась бы ему куда труднее. Дело не в горном серпантине, местами покрытом грязной наледью, и не в снеге пополам с дождем, и не в мутной туманной пленке, облепившей стекла и зеркала, — нет, Мартин прекрасно чувствовал себя за рулем в любую погоду. Дело было в селении Тышка и событиях, с ним связанных. Мартин направлялся в поселок, вызывавший у него омерзение и страх, поэтому было так важно, что Эгле сидела рядом, комментировала пейзажи по сторонам дороги и весело болтала, будто они ехали на лыжный курорт. Мартин улыбался ее шуткам, согревался о каждое ее слово и невольно думал о приятном: как они наконец-то будут жить вместе, не расставаясь даже по будням. Как они поедут все-таки в круиз. Как они быстро и легко закончат дела в селении Тышка и вернутся в город Ридна, центр провинции, сегодня к полуночи.